

Алферова И.В., доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

РОССИЙСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ*

В статье раскрываются некоторые проблемы, возникавшие между военными цензорами и средствами массовой информации в годы Первой мировой войны. Статья написана на основе сохранившихся в российских архивах материалов военной цензуры штаба Верховного главнокомандующего русской армией, цензурных отделений военных округов, а также материалов периодической печати. Не претендуя на окончательную оценку эффективности столь всеобъемлющей и важной структуры в деле информационного обеспечения и информационного контроля, которой являлась российская военная цензура в годы Первой мировой войны, в рамках статьи рассмотрены некоторые особенности ее функционирования. Автор приходит к выводу, что конфликт между печатью и структурами, обеспечивавшими над ней контроль, был предопределен как несовершенством цензурного законодательства, предоставлявшего возможность цензорам оценивать публикации газет и журналов по своему усмотрению, так и цензурными упушениями периодических изданий, печатавших недостоверные новости и размещавших информацию, которую мог использовать противник. Результатом явилась частичная неэффективность военной цензуры и невыполнение прессой своей важной миссии – формирование в интересах государства общественного мнения в тылу. Интерпретация отдельных проблем, с которыми сталкивалась военная цензура в рамках взаимодействия с редакциями периодических изданий, а также способов их преодоления, представляется важным для воссоздания целостной картины происходивших процессов в российской информационной среде.

Ключевые слова: Первая мировая война, военная цензура, периодическая печать, Временное положение о военной цензуре, пропаганда, военная тайна, общественное мнение.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-07-16

Введение. Первая мировая война впечатляет не только своими масштабами, военно-техническими новинками и беспрецедентным количеством жертв. Помимо военной сферы, она продемонстрировала новые факторы политического, культурного и образовательного влияния на настроения, царившие на театре военных действий и внутри страны, освоила новые инструменты подчинения общественных настроений национальным и военным целям. Активным участником этого процесса выступала периодическая печать, которая служила посредником между фронтом и тылом, формировала образ врага и должна была убедить население мужественно переносить неизбежные трудности, быть готовым к добровольной военной службе. При этом пресса была вынуждена работать в тесном контакте с военной цензурой, от которой зависела полнота предоставляемой информации.

Военная цензура была введена «в полном объеме» на всех территориях Российской империи, объявленных на военном положении [7].

Сформированные здесь военно-цензурные миссии состояли при штабах армий и подчинялись их главнокомандующим. В начальный период войны они появились в Риге, Варшаве, Вильне, Киеве, Одессе, позже в Тифлисе. Полная цензура, на основании Временного положения о военной цензуре, вступившего в силу 20 июля 1914 г., предусматривала просмотр всей частной корреспонденции как внутренней, так и международной, включая телеграммы, а также материалов периодической печати. Ответственность за публикацию вопреки постановлению военной цензуры или без ее разрешения влекла за собой наложение штрафа в размере от 500 до 10 000 рублей или тюремное заключение на срок до одного года. При повторном нарушении выпуск периодического издания мог быть приостановлен на срок от одного месяца до одного года.

Для остальных населенных пунктов Московского, Казанского, Омского, Иркутского, Приамурского, Туркестанского воен-

* Статья написана при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-00900) «Российская периодическая печать и цензура на театре военных действий как индикаторы общественно-политических настроений и практик (1914–1917 г.)»

© Алферова И.В.

© Alferova I.V.

ных округов и Войска Донского предусматривалось введение «частичной цензуры», которую реализовывали военные цензоры местных военно-цензурных комиссий. Для периодических изданий «частичная цензура» означала проверку военными цензорами только материалов, которые могли содержать военную тайну. Однако и для периодических изданий на этих территориях была предусмотрена система штрафов.

В Петрограде, который находился на театре военных действий, военная цензура вводилась в полном объеме, но она имела несколько иную организацию. Штаб 6-й армии наблюдал за цензурой всей почтовой корреспонденции, а контролем над периодической печатью занималась Главная военно-цензурная комиссия, состоявшая при Главном управлении Генерального штаба [2, д. 907, л. 17 об.].

Изначально между военными властями и прессой существовало некоторое согласие в том, что цензура информации, связанной с военными действиями, является необходимостью. Тем не менее в ходе реализации этого соглашения постоянно фиксировались нарушения, происходившие из-за непонимания как редакциями периодических изданий, так и военными цензорами особенностей коммуникации в военное время.

Объект и методы исследования. По поводу организации военной цензуры в Российской империи в годы Первой мировой войны существовали и существуют разные оценки. Публичная критика реализации цензурного контроля в Российской империи, по-видимому, впервые прозвучала с трибуны IV Государственной Думы, когда было заявлено: «Закон 20 июля нигде на всем пространстве империи не применялся ни в одной из своих частей, хотя бы в течение дня, одного часа; он явился как бы мертворожденным» [8, с. 1007]. Развернутые критические суждения по поводу содержания российского закона о военной цензуре, ее практической деятельности были представлены историком российской журналистики и цензуры, военным цензором в Ставке Верховного главнокомандующего М.К. Лемке в его работе «250 дней в царской ставке (25 сент. 1915 – 2 июля 1916)» [11, с. 378].

Немногочисленные современные исследователи российской военной цензуры выска-

зывают разные мнения в отношении особенностей организационной структуры российских военно-цензурных институтов и эффективности их работы в годы Первой мировой войны. Так, в исследовании П.В. Батулина отмечается, что «отечественная цензура, – можно сказать, – все время отставала на шаг в своем развитии от встающих перед ней задач» [3, с. 144]. Своеобразным дополнением к этой оценке может служить вывод И.К. Богомолова: «Имея большие полномочия, военная цензура за годы войны так и не обрела необходимой организационной стройности и последовательности, создавая все больше проблем и усиливая раздражение в обществе и армии» [5, с. 117]. Высказываются критичные оценки по поводу организации военной цензуры в различных регионах страны, например, в Великом княжестве Финляндском и в Минском военном округе [1, 4]. В то же время Н.Л. Волковский и П.П. Лаврук отмечают достаточно высокий уровень ее реализации уже в начальный период войны: «Становление цензурной службы имело к этому времени четкую организационно-штатную структуру и материальное обеспечение, – так звучит их вывод. – Цензурное регулирование в императорской армии стало надежным щитом защиты государственной тайны в Российской империи» [6, с. 162].

При интерпретации проблем, с которыми сталкивалась военная цензура в рамках взаимодействия с редакциями периодических изданий, был задействован принцип историзма, являющийся общим для процессов, отражающих тенденции развития. Он дал возможность осветить качественные изменения, которые претерпела российская информационная среда с началом Первой мировой войны с введением военной цензуры.

На основе предпринятого системного анализа выявлены и применены для достижения общего результата отдельные факты, отражающие характерные явления в военно-цензурной практике периода Первой мировой войны.

Источниками для этого послужили документы Петроградской военно-цензурной комиссии из Российского государственного исторического архива (РГИА, ф. 778), материалы военно-цензурных отделений и комиссий при штабах округов, фронтов и армий, хранящиеся

в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), документы Отдела печати и осведомления из Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ, ф. 140).

Результаты и их обсуждение. Уже с первых дней войны российские издания, стремясь удовлетворить любопытство читателей, наполнились материалами по «воспоминаниям раненых, прибывших из армии» и «участников сражений» с оценкой различных видов оружия как русского, так и вражеского. Появлялись в газетах телеграммы и заметки под рубрикой «от собственных корреспондентов из действующей армии», хотя корреспонденты в армию допущены не были. На страницах прессы размещались сведения «о всех недостатках неприятельского оружия и других вопросов, относящихся в широком смысле до техники военного дела» [20, д. 7, л. 3], данные о комплектовании военных подразделений, о погоде в районе боевых действий, т.е. информация, способная так или иначе усложнить российской армии ведение боевых действий. «За последнее время в петроградских газетах, несмотря на введение полной военной цензуры, появляются сведения с нарушением военной тайны, – высказывал претензии к работе Петроградской военно-цензурной комиссии генерал-лейтенант, председатель Главной военно-цензурной комиссии А.И. Звонников. – Так, в "Новом времени" № 13832 от 14 сентября помещено объявление о смерти прапорщика Лукьянова, с указанием номера сформированной в Петрограде дружины. В № 247 "Речь" от 14 сентября в корреспонденции "Горные орлята" – данные о кавказских добровольцах, зачисленных в армию охотниками, об их вооружении и действиях на театре войны» [20, д. 7, л. 24].

Реагируя на ситуацию, генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего Ю.Н. Данилов от лица великого князя Николая Николаевича настоятельно рекомендовал редакторам периодических изданий «более строго придерживаться Перечня сведений, воспрещенных Советом министров 24 июля 1914 г.» [20, д. 7, л. 32]. При этом всё не ограничивалось рекомендациями. Например, 14 августа 1914 г. петербургский градоначальник на основании п. 14 ст. 19 правил о местностях, объявленных на военном положении,

приостановил издание газеты «Последние телеграммы» на весь период военного положения в Петербурге. Наказание последовало за неоднократное сообщение вымышленных известий с театра военных действий, текст которых был составлен самими редакторами «с целью эксплуатации публики».

Столичная популярная газета «Биржевые ведомости», отличавшаяся гораздо более высоким уровнем своей информированности, также не избежала соблазна поместить непроверенные или выдуманные факты. В статье «Исчезновение турецких консулов» говорилось, что турецкие консулы, подлежавшие высылке за границу (в связи с участием Турции в войне на стороне противников России), прибыли в Петроград из Одессы. Далее излагалась полудетективная история: «...автомобиль с турецкими консулами с Царскосельского вокзала направился в Финляндию: по Гороховой, Морской и Дворцовой набережным, и, проехав мимо турецкого посольства, автомобиль свернул на Литейный проспект и по Невскому проспекту направился к Смоленскому» [9]. На следующий день, по данным газеты, стало известно имя владельца машины, перевозившей турецких консулов, но он таинственным образом исчез.

После этого в «Биржевых ведомостях» было опубликовано опровержение: «В газете "Биржевые ведомости" (вечерний выпуск от 19 ноября с. г.) была опубликована заметка под названием "Исчезновение турецких консулов". В статье содержалось сообщение о том, что турецкие консулы, прибывшие из Одессы в Петроград и подлежащие высылке за границу, скрываясь на вагонах с Царскосельского вокзала, исчезли и приняты меры к их розыску. Указанное сообщение было вымышленным» [12].

Однако российские периодические издания зачастую подвергались наказаниям не только за распространение ложных слухов, но и за прегрешения, которые не были предусмотрены «Временным положением», например, за опечатки. Недовольные редакторы вынуждены были обращаться по этому поводу с жалобами в Главную военно-цензурную комиссию.

Так, постановлением Акмолинского губернского губернатора издательница «Омского вестника» Ошметкова была оштрафована на 100 руб. за корректурную ошибку в театральном анонсе.

Вместо слов «чистый сбор поступил в пользу георгиевских кавалеров», газете было напечатано «географических кавалеров». Это же издание было оштрафовано на 500 руб. за размещение объявления Комитета Союза городов. Между тем все газетные объявления в Сибири подлежали предварительной цензуре, и публикация в «Омском вестнике» было официально разрешено к печати [21, д. 671, л. 44].

В это время появились и первые наказания самих военных цензоров, допускавших халатность в работе. Приказом от 9 сентября 1914 г. временно исполнявший обязанности главного начальника Петроградского военного округа, генерал от инфантерии барон Н.П. фон Ашеберг, признал необходимым «немедленно исключить из числа военных цензоров лицо совершившее упущение». Речь шла о появлении в одной из петроградских газет статьи, «допущение которой в повременной печати не должно иметь места, с установлением в г. Петрограде полной цензуры» [14].

Для исправления ситуации, при которой существовало халатное отношение «к такому ответственному делу, как цензура печати в военное время», военный министр счел необходимым командировать начальника Главной военно-цензурной комиссии А.И. Звонникова в города, в которых осуществлялась цензура печати, а также в отдельные наиболее важные военно-цензурные пункты для ознакомления на местах с постановкой военно-цензурного дела. Известно, что в результате поездки в Москву был изменен состав местной военно-цензурной комиссии: освобожден от должности председатель комиссии генерал-майор Гадзяцкий, а цензоры, прапорщики Соколов, Жемличка, Попов и Сытин, были откомандированы для несения службы в запасные полки [15, д. 2, л. 118]. Генерал-губернатор Великого княжества Финляндского Ф.А. Зейн «для ознакомления с работой военной цензуры» и наведения соответствующего порядка в Особой финской военно-цензурной комиссии по соглашению с командиром 22-го корпуса, от правил директора своей канцелярии Н.Н. Горлова в Петроград [10, с. 220].

Необходимо отметить, что состав военно-цензурных комиссий был весьма разнообразен. В городах, где в довоенное время существовали Комитеты по делам печати,

например, в Москве и Казани, военными цензорами состояли члены этих комитетов и офицеры, преимущественно находившиеся в отставке. В других местах подбор военных цензоров носил случайный характер. Так, в Уфе, Белостоке и других городах военными цензорами назначались жандармские офицеры, в Харькове – почтово-телеграфные чиновники, а в Луге и многих других уездных городах цензорские функции исполняли полицейские чины: приставы, исправники и др. [17, д. 112, л. 10 – 10 об.].

В Петроградской военно-цензурной комиссии на начальном этапе числилось 126 человек. Около половины из них были цензоры военного и морского ведомств, а остальные – гражданских. Причем состав как тех, так и других также был весьма разнороден – от прапорщиков и цензоров, не имевших чинов и высшего образования, до генералов и адмиралов [17, д. 112, л. 10 – 10 об.].

Пестрота состава, различный уровень подготовки к работе в военной цензуре не могли не отражаться на результатах деятельности цензоров, на их умении критически интерпретировать материал периодических изданий и своевременно произвести «исключения» из текстов, подлежащих опубликованию. Зачастую военные цензоры не были достаточно осведомлены в перипетиях внутренней и внешней политики, а о каких-либо решениях военных и гражданских властей узнавали задним числом «в форме указания на неправильно сделанный цензором пропуск или исключения статьи» [16, д. 7, л. 15]. Нередки были случаи, когда они исходили из собственных соображений, не объясняя редакторам газет причину репрессивных действий.

Например, в Иркутске в роли цензора выступал помощник пристава Романов. «Явившись в 12 часов ночи в типографию Казанцева, где печаталась газета "Сибирь", потребовал у служащего типографии на просмотр газету для предварительного ознакомления с отделом хроники». Ознакомившись с предоставленными материалами, пристав потребовал удалить заметку, которая ему не понравилась. Ни протест служащего, ни указания, что по «Временному положению» за содержание газеты отвечает редактор, не помогли и заметка была изъята [21, д. 671, л. 44].

На действия цензоров, как уже отмечалось, поступали неоднократные жалобы и со стороны периодических изданий. Главный военный цензор Петроградской военно-цензурной комиссии С.Е. Виссарионов 23 декабря 1914 г. на общем собрании всех военных цензоров комиссии отмечал: «Со стороны правых газет раздавались нарекания на лишение их возможности вести полемику с противоположными им по направлению органами печати, как, например, "Русскому знамени" с "Речью". Левые же газеты жаловались главным образом на то, что г.г. цензоров проявляли резкую несогласованность в своем отношении к одному и тому же газетному материалу, вследствие чего происходило, что статьи и корреспонденции, трактовавшие об одном и том же вопросе или событии, иногда тождественные по содержанию, в промежутки незначительного времени то зачеркивались, то дозволялись, или подвергались цензурованию с совершенно противоположных точек зрения» [20, д. 6, л. 22].

Действительно, какое-то время спустя в Главной военно-цензурной комиссии разбирались несколько подобных ситуаций с московскими газетами. Так, газета «Раннее утро» представила в военно-цензурную комиссию чтатьи «Смерть от шальной пули» и «Слухи о А.Н. Рачинском». Материалы не были пропущены военной цензурой к публикации в газете. Причем информация для первой из них была получена из канцелярии градоначальника, т. е. с его разрешения. Однако вскоре заметки были опубликованы во всех московских газетах [15, д. 2, л. 223]. Телеграмма от собственного корреспондента, в которой шла речь «относительно демонстрации в Бухаресте, обстрела Босфора и других событий» была пропущена цензурой и полностью опубликована в газете «Русское слово» 22 апреля 1915 г., а на следующей день в этой же телеграмме цензурой были удалены некоторые слова, и другие периодические издания опубликовали ее в сокращенном виде. В апреле же 1915 г. Московская военно-цензурная комиссия не разрешила к публикации часть текста из «Вестника Ливавы» под заглавием «Обстрел побережья», которая до этого уже увидела свет [15, д. 2, л. 222 об.].

Учитывая многочисленные пропуски

информации, содержавшие запрещенные сведения, были предприняты и определенные меры по цензурированию, так называемых, «газетных корреспондентов» в Петрограде. Первое время после введения военной цензуры, в июле 1914 г., цензурирование этих телеграмм входило в круг обязанностей рядовых газетных цензоров на Главном телеграфе. Вследствие ряда грубых промахов были приняты меры по упорядочению работы в отделе: цензурирование газетных телеграмм сосредоточили в руках военных цензоров из офицеров (при этом значительный процент цензоров на телеграфе состоял из чинов телеграфного ведомства). Однако случаи ошибочно пропущенных телеграмм не уменьшались и в сентябре 1914 г. цензурирование всех газетных телеграмм как заграничных, так и внутренних, а также корреспонденции представителей заграничной печати, находившихся в России, по приказанию штаба Верховного главнокомандующего было поручено специально назначенным военным цензорам из офицерского состава. Причем речь шла как о высоком интеллектуальном уровне этих офицеров, так и об ответственном отношении к делу. Офицеры должны были иметь высшее образование и владеть четырьмя языками, а в мирное время состоять на государственной службе [2, д. 912, л. 18].

В свою очередь и «газетные корреспонденты» шли на всяческие ухищрения, чтобы разместить в газетах «горячую информацию», содержание которой точно противоречило перечню запретов. Особую опасность представляло появление подобного материала в крупнейших российских изданиях: «Новое время», «Биржевые новости», «Речь» и другие, «где она не могла остаться незамеченной ни широким читателем, ни теми, кто заинтересован в поиске подобной информации в печати» [20, д. 7, л. 161].

В ноябре 1914 г. от исполнявшего должность начальника Генерального штаба М.А. Беляева в Главную военно-цензурную комиссию поступила телеграмма, в которой сообщалось: «В последнее время в периодической печати появляются корреспонденции и статьи, дающие слишком много сведений о пунктах боев, уходе кавалерийских дивизий на отдых и прочем, что слишком ясно обрисо-

вызывает нашу группировку. Подобные корреспонденции, безусловно, недопустимы и необходимо принять решительные меры к недопущению появления в печати подобных сведений. Вновь подтверждаю о точном соблюдении военной цензурой указаний перечня» [15, д. 2, л. 98].

В начале 1915 г. генерал-майор М.А. Адабаш на заседании Петроградской местной военно-цензурной комиссии докладывал об обнаруженных только за одну неделю в петроградских газетах сведений, «не подлежащих оглашению». Так, в статье «Второе наступление в Восточную Пруссию», размещенной в «Петроградском курьере» от 28 января, были напечатаны подробности последних военных операций российской армии, о которых не упоминалось в телеграммах из штаба Верховного главнокомандующего. В телеграмме из Стокгольма, под заголовком «Неудачные операции германцев», напечатанной в газете «Свет» от 1 февраля, «указывалось на повторение германцами своих ошибок». В заметке «Восточно-пруссские железные дороги», напечатанной в «Петроградском курьере» от 28 января, сообщалось, что «захваченные нами прусские железные дороги на протяжении 600 верст переданы в ведение Министерства путей сообщения и использованы нами». Были пропущены сведения о формировании добровольческих дружин и польских легионов, которых на практике не существовало. В «Биржевых ведомостях» от 29 января появилось известие о предстоящем открытии морского сообщения между Або и Швецией, а «в других газетах целый ряд статей о путях сообщения на Архангельск, на Мурман» [20, д. 6, л. 37 об.].

В свою очередь штаб Верховного главнокомандующего был обеспокоен свободой, «с которой печать обсуждает военные события, выходя за пределы первоначально установленной программы». «Газетные обозрения, не ограничиваясь обсуждением уже совершившихся событий, высказывают свои предположения о будущем развитии операций, – сообщалось в телеграмме в Главную военно-цензурную комиссию. – Этим противник ориентируется в наших общественных стремлениях, а в нашем обществе возбуждается предвзятость мысли и возбуждается излишнее нетерпение» [20, д. 7, л. 160].

Речь в данном случае шла не только об осуществлявшихся военных операциях. С точки зрения информационной безопасности особому контролю подлежала на первый взгляд совершенно нейтральная информация. Так, председатель Петроградской военно-цензурной комиссии генерал-майор Адабаш на очередном заседании 10 января 1916 г. обратил внимание на то, что «названия воинских частей и отдельных воинских званий снова стали появляться в печати» [20, д. 8, л. 128]. Он говорил о «благодарности» бойцов за новогодние подарки, которые в это время в большом количестве поступали на фронт из тыловых районов страны. Эти «благодарности» давали противнику возможность, по мнению Адабаша, получать необходимую информацию о расположении отдельных частей русской армии. Следует отметить, что эти опасения имели под собой основания.

В Российском государственном военно-историческом архиве сохранилось цензурное дело, связанное с публикацией в газете «Русское слово» от 8 января 1916 г. описания поездки известного врача и общественного деятеля С.В. Пучковой с праздничными подарками из Москвы в Минск, а затем в расположение нескольких армий Западного фронта. Записка имела ряд подзаголовков «Генералу А.Н. Куропаткину», «Генералу В.Ф. Джунковскому» и «со списком командующих в Минске, номеров посещаемых дивизий, их начальников и мест дислокации» [13].

Просматривая газетные полосы, военный цензор подполковник Ляшевский отмечал и вычеркивал все встречавшиеся в тексте географические названия, наименования воинских частей и имена должностных лиц. Тем не менее он пропустил строчку, которая, несмотря на расплывчатость формулировки, косвенно указывала на расположение 20-го артиллерийского корпуса 10-й армии: «Позиции этого корпуса находятся среди болот. В некоторых местах здесь невозможно даже рыть окопы» [18, д. 907, ч. 1, л. 13]. Цензор, пропустивший эту информацию в печать, после недолгого разбирательства был наказан и уволен со службы.

Ситуация с сохранением военной тайны при публикации сводок с фронта только усугубилась после февральских событий 1917 г. Упразднение Временным правительством

Главного управления по делам печати, а затем принятие новых законов «О печати» и «Об органах печати» от 27 апреля 1917 г. [22], провозгласивших свободу массовой информации и отменивших административные наказания в отношении периодических изданий, газетчики восприняли как освобождение от института военной цензуры в целом. Военные цензоры Киевского округа уже в мае 1917 г. сообщили генерал-квартирмейстеру штаба главнокомандующего Юго-Западным фронтом, что «теперь для них печатной продукции не существует». Редакторы местных газет в одних случаях объясняли это обстоятельство тем, что «газеты не подлежат военной цензуре», в других предлагали передавать по своему усмотрению указания, полученные от цензурного ведомства [19, д. 2957, л. 43].

В связи с этим генерал-квартирмейстер докладывал начальнику штаба Киевского округа 16 мая 1917 г.: «Не будет ли особого распоряжения Главнокомандующего фронтом о необходимости приведения в исполнение Временного положения о военной цензуре или об отмене военной цензуры, получающей невольную поденную плату, так как она бессильна предотвратить появление в газетах сведений, опасных с военной точки зрения» [19, д. 2957, л. 43].

Заключение. Рассмотренная на примере России ситуация в отношении периодической печати и военной цензуры была характерна и для других воюющих государств. Из воспоминаний Эдварда Кука о деятельности Бюро печати в Великобритании следует, что патристическая пресса с пониманием относилась к ограничениям военной цензуры, но все же допускала серьезные ошибки, которые использовались противником. В качестве примера в книге автора приведен эпизод с заброшенным пивоваренным заводом, расположенным недалеко от линии фронта. Солдаты приспособили его печи для организации бани и прачечной, и одна из газет рассказала об этой «солдатской смекалке». Печатный материал появился утром, а после обеда немецкая артиллерия, получив точ-

ную ориентировку из газеты, уничтожила пивоварню, лишив противника на передовой желанного комфорта [23, р. 93].

С началом военных действий в большинстве стран, участвовавших в мировой войне, сложилась ситуация, которую на примере Германии точно охарактеризовал американский журналист Уильям Г. Шеперд, работавший военным корреспондентом: «В первые дни войны, когда все было новым и каждое слово было новостью, цензор был открытым врагом корреспондента. Цензоры не скрывали этого. Они боялись корреспондентов и – что ж, корреспонденты боялись цензоров» [25, р. 22]. Общность взглядов, на которую рассчитывали обе стороны, оборачивалась непреодолимыми открытыми разногласиями: военные цензоры старались действовать «с запасом», ограничивая даже ту информацию, которая не несла потенциальной угрозы разглашения военной тайны. Пресса зачастую плохо ориентировалась в нюансах допустимости информации и чаще всего заботилась о привлечении потенциальных читателей, иногда идя на сознательную конфронтацию ради размещения на своих страницах «горячих» сообщений с фронта.

Результатом стала неэффективность военной цензуры и невыполнение прессой своей важной миссии – способствовать формированию общественного мнения в тылу в интересах государства.

Для российской прессы все обстояло еще более плачевно. Летом 1915 г. газета «New York Tribune» перепечатала информацию о жестокости русской цензуры из датской газеты, в которой приводилась статистика за 1914 г. Согласно этой информации, цензура помешала опубликовать 465 статей в периодических изданиях и 230 – в неперидических. Из них в 96 случаях в периодических изданиях и в 24 случаях в неперидических изданиях запрет носил временный характер. В результате деятельности российской военной цензуры 44 газеты из-за размещения на их страницах нежелательной информации были вынуждены закрыться [24, р. 3].

Список литературы

1. Алферова И.В. Военно-цензурные практики в годы Первой мировой войны (на материалах Великого княжества Финляндского) // Вестник Брянского государственного университета. 2022. 4(54). С. 7–15.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. 140. Оп. 477.

3. Батулин П.В. Военная цензура в период Первой мировой войны и революции 1917 – 1918 гг.: проблема сущности и преемственности // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. Вып. 16/3. С. 141–155.
4. Блохин В.Ф. Военная цензура Минского военного округа и начало Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2019. № 3(61). С. 29–43.
5. Богомолов И.К. Государственная дума и цензурная политика в годы Первой мировой войны // Российская история. 2022. № 4. С. 96–117.
6. Волковский Н.Л., Лаврук П.П. Первая мировая война 1914 – 1918 гг.: инструменты контроля и управления информацией в России // Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов. Выпуск 9. СПб., 2019. С. 152–177.
7. Временное положение о военной цензуре // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914. № 192. Ст. 2057.
8. Государственная Дума, четвертый созыв, сессия четвертая 1915 г.: стенографические отчеты: с прил. указ. Заседания 1-16: с 19 июля 1915г. – 3 сент. 1915 г. Пг., 1915. С. 1007.
9. К исчезновению турецких консулов // Биржевые ведомости. 1914. № 14505. 19 ноября.
10. Казанцев Д.Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914–1917. М., 2016. 320 с.
11. Лемке Михаил. 250 дней в царской ставке (25 сент. 1915 – 2 июля 1916). Пг., 1920. 859 с.
12. Опровержение // Биржевые ведомости. 1914. № 14549. 11 декабря.
13. Подарки Москвы. Поездка С.В. Пучкова // Русское слово. 1916. № 5. 8 января.
14. Приказ по войскам Петроградского военного округа на театре военных действий [Order on the troops of the Petrograd Military District in the theater of military operations]. Г. Петроград. Сентября 9 дня 1914 г. № 71.
15. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13839. Оп. 1.
16. РГВИА. Ф. 1343. Оп. 5.
17. РГВИА. Ф. 1343. Оп. 6.
18. РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1.
19. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 778. Оп. 1.
21. РГИА. Ф. 778. Оп. 2.
22. Собрание узаконений и распоряжений правительства. Отдел I. № 109. 15. 05. 1917 г. Ст. 597 – 598.
23. Cook E. T. The press in war-time, with some account of the Official press bureau. London, 1920. 200 p.
24. Russian newspapers suffer from censor // New York Tribune. 1915. 7 June.
25. Shepherd William G. Confessions of a war correspondent. New York; London, 1917. 210 p.

RUSSIAN PERIODICALS OF THE FIRST WORLD WAR IN THE CONTEXT OF INFORMATION RESTRICTIONS

The article reveals some problems that arose between military censors and mass media during the First World War. The article is written on the basis of the materials of military censorship of the staff of the Supreme Commander-in-Chief of the Russian Army, censorship departments of military districts, as well as materials of periodicals preserved in Russian archives. Without pretending to make a final assessment of the effectiveness of such a comprehensive and important structure in the field of information support and information control, which was the Russian military censorship during the First World War, the article considers some features of its functioning. The author concludes that the conflict between the press and the structures that ensured its control was predetermined both by the imperfection of the censorship legislation, which gave censors the opportunity to evaluate the publications of newspapers and magazines at their discretion, and by the censorship omissions of periodicals that printed inaccurate news and posted information that could be used by the enemy. The result was the partial ineffectiveness of military censorship and the failure of the press to fulfill its important mission of shaping public opinion on the home front in the interests of the state. Interpretation of some of the problems that military censorship faced in its interaction with editorial boards of periodicals, as well as the ways of overcoming them, seems important for reconstructing a holistic picture of the processes that took place in the Russian information environment.

Keywords: World War I, military censorship, periodicals, Provisional Regulations on Military Censorship, propaganda, military secrecy, public opinion.

References

1. Alferova I.V. Voенно-cenzurnye praktiki v gody Pervoj mirovoj vojny (na materialah Velikogo knyazhestva Finlyandskogo) [Military censorship practices during the First World War (on the materials of the Grand Duchy of Finland)] // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. [Bulletin of Bryansk State University]. 2022. 4(54). S. 7–15.
2. Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVP RI) [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. F. 140. Op. 477.
3. Batulin P.V. Voennaya cenzura v period Pervoj mirovoj vojny i revolyucii 1917 – 1918 gg.: problema sushnosti i preemstvennosti [Batulin P.V. Military censorship during the First World War and the Revolution of 1917 - 1918: the problem of essence and continuity] // Problemy istorii, filologii, kultury. [Problems of History, Philology, Culture]. 2006. Vyp. 16/3. S. 141–155.
4. Blohin V.F. Voennaya cenzura Minskogo voennogo okruga i nachalo Pervoj mirovoj vojny [Blokhin V.F. Military censorship of the Minsk Military District and the beginning of the First World War] // Novyj istoricheskij vestnik. [New Historical Messenger]/ 2019. № 3(61). S. 29–43. 5. Bogomolov I.K. Gosudarstvennaya дума i cenzurnaya politika v gody Pervoj mirovoj vojny. [Bogomolov I.K. State Duma and censorship policy during the First World War] // Rossijskaya istoriya [Russian History] 2022. № 4. S. 96–117.
6. Volkovskij N.L., Lavruk P.P. Pervaya mirovaya vojna 1914 – 1918 gg.: instrumenty kontrolya i upravleniya informaciej v Rossii [Volkovsky N.L., Lavruk P.P. The First World War 1914 - 1918: tools of control and management of information in Russia] // Cenzura v Rossii: istoriya i sovremenost. Sbornik nauchnyh trudov [Censorship in Russia: History and Modernity. Collection of scientific papers]. Vypusk 9. SPb., 2019. S. 152–177.
7. Vremennoe polozhenie o voennoj cenzure [Temporary Regulations on Military Censorship] // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Pravitelstva, izdavaemoe pri Pravitelstvuyushem Senate. [Collection of decrees and orders of the Government, published under the Governing Senate]. 1914. № 192. St. 2057.
8. Gosudarstvennaya Duma, chetvertyj sozyv, sessiya chetvertaya 1915 g.: stenograficheskie otchety: s pril. ukaz. Zasedaniya 1-16: s 19 iyulya 1915g. – 3 sent. 1915 g. [State Duma, fourth convocation, fourth session, 1915: verbatim reports: with app. op. cit. Sessions 1-16: from July 19, 1915. – September 3, 1915 г.] Pg. 1915. S. 1007.
9. K ischeznoeniyu tureckih konsulov [Toward the disappearance of Turkish consuls] // Birzhevye vedomosti [Birseveve vedomosti]. 1914. № 14505. 19 noyabrya.
10. Kazancev D.L. Vospominaniya o sluzhbe v Finlyandii vo vremya Pervoj mirovoj vojny. 1914–1917. [Kazantsev D.L. Memories of service in Finland during the First World War. 1914–1917]. M., 2016. 320 s.
11. Lemke Mihail. 250 dnej v carskoj stavke (25 sent. 1915 – 2 iyulya 1916). [Lemke Mikhail. 250 Days in the Tsar's Bet (September 25, 1915 – July 2, 1916)] Pg., 1920. 859 s.
12. Oproverzhenie [Refutation] // Birzhevye vedomosti. [Stock exchange statements]. 1914. № 14549. 11 dekabrya.
13. Podarki Moskvy. Poezdka S.V. Puchkova [Gifts of Moscow. S.V. Puchkov's trip] // Russkoe slovo [The Russian Word]. 1916. № 5. 8 yanvarya.
14. Prikaz po vojskam Petrogradskogo voennogo okruga na teatre voennyh dejstvij. G. Petrograd. Sentyabrya 9 dnya 1914 g. № 71.
15. Rossijskij gosudarstvennyj voенно-istoricheskij arhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive] F. 13839. Op. 1.
16. RGVIA. F. 1343. Op. 5.
17. RGVIA. F. 1343. Op. 6.
18. RGVIA. F. 2048. Op. 1.
19. RGVIA. F. 2067. Op. 1.
20. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archives] (RGIA). F. 778. Op. 1.
21. RGIA. F. 778. Op. 2.

22. Sobranie zakonov i rasporyazhenij pravitelstva. [Collection of decrees and orders of the government]. Otdel I. № 109. 15. 05. 1917 g. St. 597 – 598.
23. Cook E. T. The press in war-time, with some account of the Official press bureau. London, 1920. 200 p.
24. Russian newspapers suffer from censor // New York Tribune. 1915. 7 June.
25. Shepherd William G. Confessions of a war correspondent. New York; London, 1917. 210 p.

Об авторе

Алферова Ирина Викторовна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alferovairi@yandex.ru

Alferova Irina Victorovna. – Doctor of History, Professor, Department of National History Bryansk State University (Russia), E-mail: alferovairi@yandex.ru